

В.И. Симаков

Сборник деревенских частушек

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.И. Симаков**
Сборник деревенских частушек / В.И. Симаков – М.: Книга по Требованию, 2023. – 324 с.

ISBN 978-5-458-29619-9

Сборник деревенских частушек Архангельской, Вологодской, Вятской, Олонецкой, Пермской, Костромской, Ярославской, Тверской, Псковской, Новгородской, Петербургской губерний. С приложением нот и подробного библиографического указателя литературы. В предлагаемый сборник вошли частушки, записанные в северных губерниях Европейской России в конце 19 - начале 20 века.

ISBN 978-5-458-29619-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВВЕДЕНИЕ.

Изученіе народной частушки является дѣломъ сравнительно новымъ. Частушкой заинтересовались не такъ давно, и собиратели частушекъ появились лишь за послѣдніе 10—20 лѣтъ. Несмотря на все это, частушка все же уже имѣетъ свою и довольно значительную литературу.

Не беря на себя трудной задачи рѣшить всѣ затруднительные въ литературѣ вопросы о частушкѣ и избѣгая поспѣшныхъ выводовъ, я нахожу наиболѣе умѣстнымъ и правильнымъ представить на разсмотрѣніе и судъ самого читателя всѣ имѣющіяся въ литературѣ попытки къ разрѣшенію этихъ вопросовъ.

Для этой цѣли я привожу ниже рядъ цитатъ изъ авторовъ, писавшихъ о частушкѣ; тутъ читатель найдетъ всѣ болѣе характерные мысли, взгляды, разсужденія и характеристики по вопросу о частушкѣ.

Приведемъ прежде всего взглядъ нашего авторитетнаго ученаго Н. И. Костомарова на новую пѣсню:

„Мы были бы до крайности односторонни, если бы цѣнили въ пѣсняхъ только ихъ относительную древность, мало давая цѣны новѣйшимъ пѣснямъ.

Народная жизнь намъ дорога во всѣ свои моменты, и мы можемъ относиться съ одинаковымъ уваженіемъ ко всѣмъ народнымъ произведеніямъ ее выражающимъ,— какъ къ тѣмъ, которыя пережили многія вѣка, такъ и къ тѣмъ, которыя передѣлывались изъ старыхъ или вновь слагались на нашей памяти... цѣнность пѣсни не должна опредѣляться ея древностью, еще менѣе тѣмъ, что она намъ нравится въ эстетическомъ отношеніи; извѣстная пѣсня можетъ быть цѣннѣе другихъ для изслѣдователя, во-первыхъ, по степени своей распространенности въ народѣ, во-вторыхъ, по относительной выпуклости изображенія признаковъ народной жизни, открывающей намъ способъ народнаго міросозерцанія. Наши понятія о достоинствѣ пѣсенъ часто идутъ въ разрѣзъ съ народными. Часто бываетъ, что люди, воспитанные въ иной средѣ понятій или среди иной народности, находятъ грубымъ и не изящнымъ то, что приводитъ въ восторгъ людей, чуждыхъ первымъ по воспитанію и народности. Чтобы изучить народныя произведенія съ разумной и научной цѣлью, добиваясь уразумѣть въ ихъ народную душу, народныя чувства, народныя воззрѣнія, народный вкусъ, не слѣдуетъ подводить эти произведенія подъ наши привычные взгляды, выработанные въ насъ знакомствомъ съ литературою, а необходимо намъ самимъ стать на почву строго объективнаго воззрѣнія.

VIII

Въ настоящее время русскимъ образованнымъ людямъ гораздо болѣе по вкусу старыя великорусскія пѣсни, чѣмъ новѣйшія; послѣднія нерѣдко пренебрегаются, какъ явленія чрезвычайно пошлыя и лишенныя эстетическихъ достоинствъ. Если собиратель станетъ руководиться такимъ взглядомъ, то онъ самъ впадетъ и другихъ введетъ за собою въ обманъ. Что въ самомъ дѣлѣ могутъ указать намъ такія пѣсни, которыя мы будемъ, какъ драгоценность, отыскивать въ отдѣльныхъ захоlustяхъ и записывать изъ устъ отжившихъ старцевъ и старицъ?—только то, что такія пѣсни существовали въ старину. Археологическое и историческое, даже поэтическое значеніе ихъ важно; но если тотъ же собиратель, ограничиваясь подобными пѣснями, станетъ презирать тѣ, которыя онъ слышалъ въ устахъ молодежи и за работою, и на перекресткахъ, и на пирушкахъ, то мы, воображая себѣ, что народъ поетъ тѣ пѣсни, съ которыми познакомить насъ предпочтительно собиратель, будемъ поневолѣ заблуждаться и приходиться къ невѣрнымъ выводамъ, руководясь пѣснями.

Народъ совсѣмъ не такъ относится къ произведеніямъ своей духовной дѣятельности, какъ мы относимся къ нимъ. Народъ забываетъ тѣ пѣсни, которыя насъ плѣняютъ; онъ ихъ находитъ устарѣлыми; онѣ не удовлетворяютъ его духовнымъ потребностямъ; ихъ содержаніе уже не подходитъ къ тѣмъ условіямъ, которыми судьба окружила его жизнь въ настоящее время; въ этихъ пѣсняхъ для него оказываются многіе непонятные или переставшіе интересоваться его предметы; напротивъ, его чувство и воображеніе обращается къ такимъ сторонамъ и явленіямъ дѣйствительной жизни, какихъ онъ не находитъ въ своихъ старыхъ пѣсняхъ; и вотъ, они или передѣлываютъ свои старыя пѣсни на новый ладъ, или складываютъ новыя, подчиняя свое вдохновеніе вліянію барскаго двора, фабрики, городскаго кабака или современнаго острога, подлаживаясь притомъ, насколько умѣя, и ко вкусу той среды, которую считаютъ выше себя по образованію. Какимъ становится народъ, такова его и пѣсня; она неизмѣнно вѣрно стражаетъ его душу, и въ этомъ ея высокое достоинство. Поэтому никакъ не слѣдуетъ пренебрегать пѣснями новѣйшаго склада или же носящими отпечатокъ новѣйшихъ передѣлокъ; пусть для нашего эстетическаго вкуса онѣ представляются уродливыми, пошлыми, даже циническими и лишенными всякой поэзіи, но для историка и мыслящаго наблюдателя челоуѣческой жизни онѣ все-таки драгоценныя памятники народнаго творчества. При этой точкѣ зрѣнія видимая бессмыслица для насъ иногда не бываетъ лишена смысла“.

(Н. И. Костомаровъ. Собр. сочин., т. V., стр. 532—534).

„Теперь господствуетъ убѣжденіе, что великорусская народная поэзія близка къ гибели, что старыя пѣсни забываются и ихъ мѣста занимаютъ фабричныя пѣсни, болѣе или менѣе нескладныя и неблагопристойныя, и что нужно спасти живущіе еще остатки. Безъ сомнѣнія, старыя пѣсни понемногу выходятъ у насъ изъ употребленія и уступаютъ мѣсто новымъ, народнымъ или искусственнымъ: явленіе, происходящее всегда и вездѣ, неизбежное при какихъ угодно условіяхъ; безъ сомнѣнія, въ однѣхъ мѣстностяхъ Россіи процессъ измѣненія пѣсеннаго матеріала происходитъ быстрѣе и рѣшительнѣе, въ другихъ медленнѣе и съ колебаніями; но тѣмъ не менѣе, народная поэзія у насъ еще достаточно сильна и рассказы объ ея исчезновеніи лишены достаточнаго основанія. Ученые и не ученые наблюдатели, давшіе показанія о печальномъ состояніи нашей народной поэзіи, въ большинствѣ случаевъ изслѣдовали дѣло нѣсколько поверхностно. Основательнымъ людямъ въ наши дни удалось составить порядочные сборники старыхъ пѣсенъ нисколько не хуже тѣхъ, которые

были составлены лѣтъ пятьдесятъ назадъ. Между прочимъ, одинъ житель близкаго къ Москвѣ губернскаго города, занятой человѣкъ, записалъ большое число №№ отъ подгороднихъ бабъ, торгующихъ въ городѣ молокомъ. Что касается до специально фабричныхъ пѣсенъ, составленныхъ фабричными и поющихя по преимуществу на фабрикахъ, то, несмотря на наши старанія, намъ не удалось отыскать этихъ губительницъ старыхъ пѣсенъ въ сколько-нибудь достаточномъ числѣ. Все, что намъ было сообщено подъ названіемъ фабричныхъ пѣсенъ, оказалось или вариантами обычныхъ старыхъ пѣсенъ, правда, болѣе или менѣе плохими, но не имѣющими въ себѣ ничего специально фабричнаго, и по степени благопристойности ничѣмъ не отличающимися отъ деревенскихъ,—или такъ называемыми „Частушками“, коротенькими пѣсенками, въ два, четыре, шесть стиховъ, которыя широко распространены по всей Россіи. „Частушки“ признаются за продуктъ новѣйшаго народнаго творчества, но старыя ихъ записи, въ небольшомъ, къ сожалѣнію, числѣ, относятся еще къ XVII вѣку:

Около бабушки хожу
И я рѣдечку прошу.
Ахъ, какъ бабушка скупа!
Ахъ, какъ рѣдечка горька!

(Пѣсенникъ 1788 года, часть III, прибавленіе, стр. 59, (хороводныя), и мы имѣемъ вѣское свидѣтельство ихъ относительной древности“.

(А. И. Соболевскій. „Великорусскія народныя пѣсни“, томъ VII, стр. 1—3).

„Въ народной жизни, какъ и въ жизни „общество“ переживаетъ, несомнѣнно, время „переходное“. Всѣ „новости“ современной деревни, перечисленные поэтомъ, даютъ возможность понять, почему деревня не можетъ еще, какъ говорится, обратиться „съ умомъ“, окрѣпнуть въ опредѣленныхъ взглядахъ на собственное существованіе и судить во имя ихъ обо всемъ окружающемъ. Поколеблена поэтомъ же и творческая мысль народа, но что она живетъ непосредственно, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Не изъ чего собрать и сложить народную пѣсню, но сочинить „стишокъ“, откликнуться на разнообразнѣйшія явленія обыденной жизни, этого даже и „утерпѣть“ нельзя народу. И вотъ онъ сочинилъ такъ называемую „Частушку“, то есть „куплетъ“ (слово въ слово), и этими частушками откликается на каждую малость жизни.

Три тетради этихъ „частушекъ“, находящихся въ моихъ рукахъ, всего около 200 №№, всѣ онѣ записаны въ деревняхъ (Новгородской губ.), находящихся въ весьма недалекомъ другъ отъ друга разстояніи, и въ каждой изъ этихъ тетрадей встрѣчаются не болѣе трехъ или четырехъ повтореній одной и той же „частушки“ и то непремѣнно съ какою-нибудь мѣстной особенностью. Но 200 №№ частушекъ, положительно, капля въ морѣ въ томъ несмѣтномъ количествѣ произведеній народнаго творчества. Сочинительство въ этомъ родѣ, которое невѣдомымъ путемъ создается невѣдомыми поэтами, чуть не каждый Божій день и непремѣнно въ каждой деревнѣ. Собрать эти „частушки“ съ такою же тщательностью, какъ собираются статистическія свѣдѣнія о всякихъ мелкихъ подробностяхъ хозяйства въ крестьянскомъ дворѣ, и разработавъ ихъ соотвѣтственно тѣмъ сторонамъ народной жизни, которыхъ онѣ касаются, мы имѣли бы точное представленіе о нравственной жизни народа“.

(Гл. И. Успенскій. „Новые народные стишки“. собр. соч., т. III, стр. 673).

„Коротенькія пѣсни или „припѣвки“ въ настоящее время представляютъ изъ себя одну изъ наиболѣе распространенныхъ формъ русской народной пѣсни. Можно безъ преувеличеній сказать, что „частушка“ завоевала симпатіи всего русскаго народа „отъ хладныхъ финскихъ скалъ, до пламенной Колхиды“. Въ сущности своей, коротенькія пѣсенки представляютъ изъ себя пѣсни, заключающія въ себѣ не болѣе шести—восьми стиховъ, чаще всего коротенькія пѣсни или припѣвки заключаютъ въ себѣ не болѣе четырехъ стиховъ...

Собиратели этнографическихъ матеріаловъ, обращая особое вниманіе на записыванія пѣсенъ эпическихъ, былинъ, причетовъ и старинныхъ протяжныхъ лирическихъ пѣсенъ, совершенно игнорировали „припѣвки“, а если и записывали ихъ иногда, то только для курьеза, для того, чтобы „доказать“ имъ якобы паденіе русской народной пѣсни. Не удивительно, что въ нашей литературѣ понемногу установился взглядъ, что всѣ „припѣвки“ представляютъ изъ себя въ большинствѣ случаевъ бессмысленный рифмованный наборъ словъ, что эти миниатюрныя пѣсенки стоятъ ниже всякой критики въ художественномъ отношеніи, что онѣ не могутъ имѣть никакого значенія не только для историка народной жизни, но даже для изслѣдователя. Взглядъ крайне неосновательный... Даже при поверхностномъ знакомствѣ съ припѣвками устанавливаешь совершенно иной взглядъ на коротенькія пѣсни. Наряду съ припѣвками, лишенными почти всякаго смысла, встрѣчаешь множество припѣвокъ, въ высшей степени вѣрно характеризующихъ народную жизнь, служащихъ мѣткимъ изображеніемъ этой жизни, вполне художественныхъ по своему содержанію и формѣ, а потому и заслуживающихъ вполне вниманія историка народной литературы.

Что можетъ быть безсмысленнѣе, повидимому, такой припѣвки:

Заболѣла голова
Съ великаго поста;
Полюбилъ дѣвченку я
Небольшого роста.

а между тѣмъ, она встрѣчается во многихъ губерніяхъ центральной Россіи: она записана нами въ Ярославской губерніи она встрѣчается въ то же время и въ Олонецкой губерніи. („Живая старина“ II. 1894, стр. 215).

Что-же такое представляютъ изъ себя эти припѣвки?

— Представляютъ ли онѣ новую форму народнаго творчества или же эти формы были извѣстны и въ старину? Представляютъ ли онѣ продуктъ распаденія старинныхъ протяжныхъ пѣсенъ или же это самостоятельный продуктъ народнаго творчества?

Какъ мы уже сказали и выше, можно вполне утвердительно отвѣтить, что однѣ изъ припѣвокъ представляютъ изъ себя продуктъ распаденія старинныхъ протяжныхъ пѣсенъ, другія же, напротивъ, представляютъ иногда изъ себя коротенькія импровизаціи. Нѣчто подобное нашимъ коротенькимъ пѣсенкамъ мы встрѣчаемъ и въ Испаніи и во Франціи въ Савоннѣ, среди тамошнихъ простолудиновъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что припѣвки были извѣстны и въ старину. Доказательствомъ этого можетъ служить нашъ свадебный старинный ритуаль, въ которыхъ мы встрѣчаемъ припѣвки свату, свахѣ, дружкѣ, поѣзжимъ и т. д., припѣвки въ видѣ шуточныхъ импровизацій, какъ, наприимѣръ:

XI

Какъ на сватѣ-то штаны
Послѣ дѣда сатаны,
Какъ на сватѣ-то шапченка
Послѣ дѣдушки чертенка.

Или:

У тя (сватѣ) шея бѣла
Ровно въ петлѣ была,
У тя рожа пестра,
Ровно оспа трясла!

(А. Баловъ, „Что поетъ нашъ народъ“. „Сѣверный край“, 1902 г., № 133).

„Кромѣ широкаго отраженія народной души и народнаго быта въ современную намъ переходную эпоху,—частушка въ высшей степени интересна какъ особый, новый типъ народнаго пѣсеннаго творчества. Самимъ своимъ появленіемъ типъ этотъ многое говоритъ о совершающихся въ нѣдрахъ народной жизни процессахъ,—о происходящемъ тамъ грандіозномъ переломѣ.

Частушка—созданіе индивидуальнаго, личнаго творчества. Она выросла на развалинахъ старой народной пѣсни, на похоронахъ стариннаго коллективнаго творчества. Пока народъ представлялъ собою однородную социальную группу, общественное цѣлое однообразной структуры, пока личность спала въ народѣ,—коллективное творчество было вполне естественнымъ.

Но разъ личность, подъ вліяніемъ самыхъ разнородныхъ историческихъ условий, проснулась, разъ народъ, въ узкомъ смыслѣ этого слова, пересталъ быть однородною органически-сплоченною массою,—коллективное творчество должно было уступить мѣсто личному творчеству. Каждый индивидуумъ имѣетъ свои, ему одному свойственные чувства, симпатіи, взгляды,—свою душу; эту душу, эти индивидуальныя черты онъ невольно выражаетъ и въ своей пѣснѣ. А когда человѣкъ ясно и отчетливо созналъ свою индивидуальность, свое отличіе отъ прочихъ членовъ даннаго общества,—тогда онъ начинаетъ дѣлать это сознательно, онъ старается сказать (въ пѣснѣ) свое слово, выразить свое чувство.—Это именно мы и наблюдаемъ въ современной частушкѣ. Отсюда—эта неустойчивость, эфемерность частушки; ихъ тысячи возникаютъ каждый день, чтобы завтра исчезнуть. (Тоже самое было бы, конечно, и съ милліонами стиховъ нашихъ непризнанныхъ поэтовъ, если бы у насъ не было письма и печати, чего нѣтъ въ народѣ). Но и въ народѣ не всѣ поэты; есть и толпа, такъ сказать, простыхъ читателей любителей стиховъ. И эти послѣдніе подхватываютъ созданіе своихъ, болѣе одаренныхъ, сосѣдей, и разносятъ ихъ по бѣлу свѣту.

Въ этихъ двухъ характерныхъ чертахъ современной частушки выполняются предсказанія Н. И. Костомарова, написанныя имъ еще въ 1872 г. (Бесѣда, IV, с. 10). „Навѣрное можно сказать,—писалъ этотъ знатокъ народной души и жизни,—что распространеніе грамотности и книжнаго образованія убьетъ безсознательное народное творчество“.

Наконецъ, и съ художественной стороны современная частушка далеко „не такъ черна, какъ ее малюютъ“. Эта замѣчательная непосредственность и подкупающая свѣжесть бьющаго ключемъ народнаго творчества, лишь изрѣдка засореннаго накипью „фабричной“ декаденщины,—способны доставить читателю эстетическое наслажденіе.

(Д. К. Зеленинъ. „Пѣсни деревенской молодежи“? Стр. 7).

„Что частушка во многомъ хуже старинной пѣсни, въ этомъ никто никогда не сомнѣвался. На нашъ взглядъ, удивительно было бы противное. Повторимъ, что мы писали по этому поводу еще въ 1901 г. Новую народную поэзію у насъ обычно сравниваютъ съ поэзіей стараго времени, не принимая во вниманіе громадной разницы этихъ двухъ, почти несравнимыхъ вещей. Одна поэзія—законченная, завершившая полный кругъ своего развитія; другая—скороспѣлая, не успѣвшая еще сформироваться и при томъ плодъ переходной эпохи“.

Отсутствіе въ частушкѣ музыки также не удовлетворительно. Мы видимъ тутъ начало дифференціаціи въ народномъ творествѣ поэзіи и музыки; до сихъ поръ эти два искусства были слиты въ народной пѣснѣ. Въ музыкальномъ отношеніи частушка почти ничего общаго съ старинною пѣснею не имѣетъ.

Но тѣсная связь ея съ этой послѣдней съ точки зрѣнія поэтического творчества внѣ всякаго сомнѣнія. Частушка растетъ и питается на счетъ прежде всего старинной пѣсни. Множество частушекъ представляютъ просто на просто обрывки старыхъ пѣсень. Въ частушкахъ,—экспромтахъ новѣйшаго времени, сохранились техническіе приемы старинной народной пѣсни, въ частности—пѣсенные образы-символы, о чемъ мы уже говорили въ предисловіи ко своему „Сборнику Вятскихъ частушекъ“.

(Д. К. Зеленинъ. „Этнографическое Обзорѣніе“, 1905, № 2 и 3, стр. 166).

„Многочисленныя нападки на новую народную поэзію заключаютъ въ себѣ, какъ это всегда бываетъ, нѣкоторую долю истины. Нельзя не согласиться, что частушка носить на себѣ нѣкоторый, быть можетъ, даже сильный отпечатокъ упадка, но этотъ отпечатокъ обыкновенно принимали за основное и главное, между тѣмъ, онъ является простой накипью, временнымъ и весьма естественнымъ продуктомъ тѣхъ оригинальныхъ условій, среди коихъ зарождалась частушка...“

Декаденщина есть столь естественное, даже почти необходимое, явленіе во всякомъ развитіи, во всякомъ движеніи впередъ. Ни одна переходная эпоха немыслима безъ упадка, какъ никакое физическое дѣйствіе не возможно безъ соотвѣтствующей реакціи. Между тѣмъ, переходныя эпохи-ступени къ чему-то новому и—если вѣрить въ прогрессъ и смыслъ жизни—къ лучшему. И новая поэзія нашего народа, это родное дѣтище переходной поры, говоритъ намъ только о переходѣ къ чему-то новому. Къ чему именно, это увидятъ наяву только, быть можетъ, наши внуки и правнуки. Но предвидѣть, куда направляется волна движенія, можно и теперь... Чѣмъ же сулитъ быть эта новая народная поэзія? Намъ представляется не чѣмъ инымъ, какъ искусственную, книжную поэзіей“.

(Д. Зеленинъ. „Новыя вѣянія въ народной поэзіи“. Стр. 5—6).

Приводя наиболѣе характерныя цитаты изъ разныхъ изслѣдователей и авторовъ, писавшихъ о частушкѣ, мы здѣсь совершенно не будемъ входить въ оцѣнку и критику высказанныхъ ими взглядовъ и мыслей: въ нашу задачу не входило подробное изслѣдованіе даннаго творчества, а всѣ наши старанія въ этомъ дѣлѣ были направлены къ одной лишь подготовительной работѣ для будущихъ изслѣдователей.

Отмѣтимъ лишь одно: у насъ принято думать, что частушка будто бы явилась губительницей старыхъ пѣсень.

Подобный взглядъ врядъ ли имѣеть какія-либо вѣскія основанія. Тщательныя наблюденія намъ показываютъ обратное.

На смѣну старыхъ народныхъ пѣсенъ идетъ не частушка, а романсы и стихотворенія нашихъ извѣстныхъ поэтовъ, напр., Некрасова „Коробейники“, Никитина „Ухарь купецъ“, Сурикова „Уродилася я“ и множество другихъ.

Частушка въ деревнѣ скорѣе играетъ роль не пѣсни, а *острова словца*, сказаннаго экспромтомъ.

При помощи подобныхъ четырехстрочешныхъ летучихъ стишковъ можно удачно высмѣять, остроумно пристыдить, язвительно уколоть, или просто польстить, пожаловаться, понегодовать и т. д.

Въ этомъ творествѣ можно быть очень гибкимъ и изворотливымъ и легко приноровиться къ переживаемому моменту.

На всемъ сѣверѣ, гдѣ, главнымъ образомъ, частушки и собирались, я ни въ одной мѣстности не слышалъ, чтобы народъ подобное творчество называлъ пѣсней.

Частушка въ громадномъ большинствѣ мѣстностей носить свое собственное, отличающее ее отъ пѣсни, названіе; болѣе распространены названія: „Припѣвка“, „Причудка“; менѣе распространены: „Коротушки“, „Набирушки“ и т. д.

Давая этому творчеству особое названіе, народъ какъ бы самъ подчеркиваетъ, что онъ рѣзко отличаетъ частушку отъ пѣсни.

Если мы будемъ внимательно присматриваться къ частушкѣ, гдѣ она исполняется, то мы замѣтимъ, что она не столько поется, сколько подпѣвается подъ гармонику, балалайку, приговаривается при пляскѣ.

Топника, ножка!
Правая немножко!
Лѣва полюбѣ!
Милу полюбѣ!

И по своему музыкальному строенію частушка создана не для хора голосовъ, а для отдѣльной личности, для выраженія мимолетныхъ чувствъ, мимолетныхъ настроеній и переживаній.

И исторія частушки, ея возникновеніе и зарожденіе совершенно отличны отъ длинной пѣсни.

Длинная пѣсня, какъ извѣстно, прошла цѣлый путь своего развитія и въ продолженіе долгаго времени приспособлялась ко вкусамъ массы.

Частушка же, какъ правильно замѣтилъ профессоръ Погодинъ, *) выходитъ отъ авторовъ въ цѣломъ, законченномъ видѣ; довольно какого-нибудь ничтожнаго повода, событія, какъ на другой же день по деревнѣ полетѣла окрыленная въ четырехстишіи отдѣльная мысль. При всемъ томъ, какъ бы частушка ни была индивидуальна, но она вѣрно передаетъ всѣ рѣшительно стороны народной жизни: бытъ, характеръ, нравы, настроенія.

„Русская школа“, 1902 г., апрѣль.

XIV

Въ этомъ отношеніи частушка представляетъ весьма большую цѣнность, какъ для историка и бытописателя, такъ и для этнографа, изучающаго народную жизнь.

Въ заключеніе не можемъ не выразить нашего искренняго пожеланія, чтобы этотъ своеобразный видъ народнаго творчества продолжали непрерывно собирать и изучать, каковыхъ работниковъ она и ждетъ.

Октября 15, 1913 г.

Въ добрый путь.

В. Симаковъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

БЕСѢДЫ И ВЕЧЕРИНКИ.

„Мой миленочекъ нарядненькой идетъ,
Въ правой рученькѣ гармошеньку несетъ;
Лѣвой троской упирается—
На бесѣду пробирается“.

О Т Д Ъ Л Ъ П Е Р В Ы Й.

